

JEAN CATHALA
16, RUE DES ORCHIDÉES
75013 PARIS

ВРЕМЯ И МЫ

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОБЛЕМ**

Десятый год издания

**Выходит один раз
в два месяца**

80
1984

НЬЮ-ЙОРК—ИЕРУСАЛИМ—ПАРИЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВРЕМЯ И МЫ" — 1984

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВАДИМЕ ДЕЛОНЕ

Вадим Делоне родился в 1947 году. В юности стал участником литературного кружка, известного под названием СМОГ (Союз молодых гениев), из которого вышли такие деятели молодой оппозиционной России, как Юрий Галансков и Александр Гинзбург. Еще в начале 60-х годов в этом кружке начали выходить первые неподцензурные журналы и литературные сборники, широко ходившие по рукам. Наиболее известный из них — "Феникс", составленный Ю.Галансковым.

В начале же 60-х годов участники кружка СМОГ организовали поэтические собрания на площади Маяковского в Москве, на которых молодые поэты читали как свои собственные стихи, так и стихи Ахматовой, Мандельштама, Пастернака. Чтения эти, собиравшие много слушателей и не раз разгонявшиеся милицией, явились предвестником зарождавшегося диссидентского движения, в котором молодежь с Маяковской площади приняла самое активное участие. Кроме уже названных, в диссидентское движение из этого круга пришли Владимир Буковский, Виктор Хаустов и многие другие. Когда начались репрессии, эта молодежь первой приняла на себя удар советской карательной машины. Среди первых жертв репрессий был и Вадим, который побывал в заключении дважды. В первый раз он был арестован в 1967 году за участие в демонстрации на Пушкинской площади в защиту Ю.Галанскова и А.Гинзбурга. Во второй раз — в 1968 году за участие в демонстрации на Красной площади против вторжения советских войск в Чехословакию. Аресты не остановили Вадима. Освободившись после второго срока, он продолжал правозащитную деятельность и был бы скорее всего арестован и в третий раз, если бы не эмигрировал за границу. Разлуку с родиной он переживал очень тяжело и оказался совершенно не в состоянии приспособиться к жизни в эмиграции.

Он умер в Париже летом 1983 года, не дожив и до сорока лет.

Уже после смерти Вадима в Париже был подготовлен сборник его стихов, который скоро выйдет в свет. Мы предлагаем нашим читателям стихи из этого сборника.

ВСЕ МЫ ПРАВДЫ ПРОСИЛИ

* * *

Только галки вязнут в грязных тучах,
Только снег скрипит по крышам ржавым.
Ничему тюрьма нас не научит,
Кроме чувства жалости, пожалуй.

Тихих слов никто не скажет на ночь,
День сосулькой оборвется в вечность,
И твои мечты разгонит напрочь
Тенью по стене скользнувший вечер.

Лишь шаги охранников у двери —
Чем твоя душа там только дышит?
Я с тобой, поверь мне, ну поверь мне,
Даже если слов моих не слышишь.

Я представить пробую, я мучусь,
Что за сны тебе сегодня снятся.

Стены комнат стен тюрьмы не лучше
В час, когда бессильем жутким смят ты.

Только галки вязнут в грязных тучах,
Только снег к окошкам липнет, липнет.
Я впервые проклиная участь —
Ни уйти, ни броситься, ни крикнуть.

1973 г.

* * *

Тени синюю набрякли,
Словно вены в запой...
Здесь кварталы, как грядки,
Как шитье с бахромой.

И фонарные блики
Поплавками в воде...
Может, Петр Великий,
Это снилось тебе?

Триумфальные арки
И безглавый костел...
Разлинованным парком
Не пойдешь на костер.

Все мы правды просили,
Я к возмездьям привык...
И бреду от Бастильи
Прямиком к Республик.

Париж, 1980

* * *

Слегка насвистывают ставни
С листа, и чисто
Сплетает в скверах ветер стансы
И, верно, Листа.

О руки листьев, рвущих просинь —
Аккорд в заборах!
Меня наощупь ищет осень,
Как будто в шорах.

Москва, 1966

* * *

Утро косится воровато,
Снег сверчком под окном скрипит,
Тень, как узник мечась, обратно
Возвращается с полпути.

Сны, как розы за ночь засохнув,
Распадаются на глазах,
Бой курантов разводит вохру,
Задыбевшую на часах.

Сходят пятна фонарной сыпи
С лица улиц, как пот со лба...
Вот и с этим рассветом свыклись,
Как с махоркою гольтьба.

Москва, 1974

* * *

Закат повис, вцепившись в облака,
Вода скрипит по днищу самоходки,
На берегу сгружают лес зека
За черный хлеб и хвост гнилой селедки.
Нас двое на борту цепляют строп,
Все остальные маются на суше.
Когда-нибудь загонят бревна в гроб,
И штабеля завалят наши души.
Пока что мы как будто на ногах,
А страх не держат в лагерях за редкость,
Но ветер рвет канаты впопыхах,

И нас несет с размаху на запретку.
На вышке передернут автомат,
И мы скользим по слизи мокрых бревен,
Виновные, что живы, а солдат
Само собою в этом невиновен.
Вот он поднялся, разгоняя лень,
Прицелился и взялся за работу,
Тень облаков легла, как смерти тень
Ложится на последних поворотах.
Ему отметят завтра, что побег
Он оборвал своей надежной пулей,
Над головой взметнется серый снег,
Как знак для нас, что мы уже загнулись.
И жалко, что лишь год не досидел...
Да что мне все атаки, все дуэли,
Когда б еще назначенный расстрел,
А то стрельба по неподвижной цели.
Но кто-то дал конвойному отбой,
И автомат отбросил он устало,
А тишина звенит над головой,
Как над столом хрустальные бокалы.
Объятьями встречают нас зека,
Сегодня спасены мы от забоя,
И только долго снится тот закат,
Махнувший нам прощальной рукою.

Тюмень, лагерь, 1969-1971